1990 - 7 апр. - с. 16

ПОЛЕМИКА

Споры вокруг внешнеэкономической деятельности ряда государственных организаций и кооперативов продолжаются. Особый накал страстей по-прежнему вызывают АНТ и соглашение Большого театра с английской фирмой. После нашей публикации на эту тему целый ряд центральных газет продолжил дискуссию. И вот еще одно мнение известного ученого-экономиста. Он видит проблему иначе, чем наш автор. Что ж, мы считаем, пусть выскажутся все стороны.

ЧЕМ «ЭТО» ТЕПЕРЬ КОНЧИТСЯ?

БЫВАЮТ события и люди, в которых фокусируются время, процессы, в нем происходящие. Читателям, вероятно, помнят историю директора казахстанского совхоза Худенко и председателя подмосковного колхоза Снимщикова. О них много писали в газетах. По стране с большим успехом прошла в свое время пьеса «Тринадцатый председатель». Были сделаны документальные ленты. В них рассказывалось о том, как эти два хозяйственника, вступив в отчаянную борьбу с административно-хозяйственной системой, начали активно развивать товарно-денежные отношения, отстаивая права на самостоятельность трудовых коллективов. К их рукам, как доказало следствие, не пристало ни копейки общественных денег. Но они были уничтожены системой потому, что выступили против ее антинародной сущности. Крах этих двух руководителей был как бы символом краха всего замысла той перестройки, начало которой мы все с огромным оптимизмом приветствовали в 1965 году. Почему я об этом напоминаю? Отнюдь не случайно.

Дело в том, что сейчас тоже возникло несколько контрольных, критических точек, по состоянию которых, на мой взгляд, можно будет судить, куда начнутся весы перестройки. Речь идет о громком и совершенно пока не понятном для общественности деле, возникшем вокруг операции государственно-кооперативного концерна АНТ и «Соглашения о конкурсе» с участием Большого театра СССР. Почему я объединяю две такие казалось бы, разные хозяйственные организации? Ведь в одной — АНТ — участвуют высокие государственные и военные деятели, а в другой — артисты, их антрепренеры. И тем не менее есть главное, что роднит АНТ с Большим театром по тому конфликту, который разразился вокруг них: одни, как нам сообщают, пытаются распродавать материальные ценности нашей Родины, другие — духовные. Я подчеркнул глагол «распродавать», поскольку он не однозначен с глаголом «продавать».

«Распродажа» национального богатства есть по сути синоним политики закабаления, политики национального предательства. Надо согласиться, что обвинения весьма грозные. Но вам не злодновые принсочки, а вещи посерьезнее! Именно так, в связи с АНТ, поставил вопрос на третьем Съезде народных депутатов первый секретарь Краснодарского крайкома партии, член ЦК КПСС, народный депутат СССР И. Полозков. Об этом же, но в связи с «распродажей» культурных ценностей народа, пишут в «ЛГ» (17.I и 21.III.90 г.) Г. Цитриняк под символичным заголовком «Все на продажу?» и Ал. Гриневич в «Советской культуре» (17.III.90 г.) под таким же обвинительным лозунгом «Конвертируемая мышеловка». Кстати, Ал. Гриневич в своей статье недвусмысленно подчеркивает именно эту родственность операций АНТ и ГАБТа. Прямо скажем, есть серьезный повод, чтобы насторожиться по поводу того, что сейчас происходит в нашей стране. Это с одной стороны. А с другой...

А с другой, надо наконец осознать, что наша нищета, наши беды происходят ПРЕЖДЕ ВСЕГО оттого, что мы отгородились от мира, порвали почти все деловые связи с другими странами. А ведь тот, кто не вынужденно, а осознанно хочет поторговать подлинг Робинзоном Крузо, обречен жить так, как живем сейчас мы. Вот лишь несколько цифр из справочника нашего островного, робинзонирующего бытия. Доля СССР в мировом экспорте (1989 г.) составляет 3,5 процента. Она, такая для великой страны и без того ничтожная, за год сократилась на 2 процента! Маленькая Голландия идет в ногу с нами: ее доля в мировом экспорте тоже 3,5 процента, правда, за год они не потеряли ни доли, а увеличили. Правда, можно гордиться, что это в мировом импорте голландцы от нас отстают: 3,5 и 3,3 процента («Известия», 22.II.1990 г.). Прикину минимум статистических цифр. Пусть кто хочет знать причины наших нынешних трудностей, должен выстроить для себя степень включенности той или иной страны в мировое разделение труда и уровень ее роста, а граждан этих стран. Проделав эту несложную работу, легко убедиться в том, что степень изоляции той или иной страны от мирового процесса прямо пропорциональна степени ее нищеты.

Мы хотели бы иметь конвертируемую валюту, но конвертируемая валюта есть следствие конвертируемости товаров; мы хотели бы идти в ногу с мировым техническим прогрессом, но участвовать в нем, оставаясь в изоляции, невозможно; мы хотели бы жить чуть тоньше, но нельзя всего этого достичь, выступившись на мир нам мышь на крупу... Поэтому любая попытка — удачная или нет — вырваться из нашей нынешней изоляции от мира является крупнейшим событием, за которым надо внимательнейшим образом следить. И следить сочувственно.

Вот почему я выделяю инициативу АНТ и Большого театра, предпринявших попытку вырваться из нынешней нашей экономической изоляции с тем, чтобы на вырученную рублями (доллар) заработать на той или иной конкурентной операции, а заломить основы совершенно нового нашего мышления и бытия в этом мире. Отсюда и значимость, масштабность всего того, что происходит, может произойти вокруг тех двух коллективов, которые сейчас в центре внимания общественности. Однако заодно себе вопрос: а что, собственно, происходит, в чем выражается та система «распродаж», которую инициаторы упомянутым организациям?

Читаем в «Известиях ЦК КПСС» (№ 3, 1990) обвинения в адрес АНТ: «Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел вопрос о грубых нарушениях рядом коммунистов — руководителей государственной дисциплины в реализации военной техники и дефицитных видов продукции». Итак, нам официально заявляют, что торговать дефицитными товарами преступно. И не только товарами материального, но и продуктами духовного свойства, продолжает ту же мысль Ал. Гриневич: «...иногда удивишься такому страстному желанию покорять публику там, а не у себя на Родине»,— пишет он по поводу зарубежных гастролей ГАБТа. Следовательно, первый вопрос, над которым надо задуматься, сводится к тому, как в принципе строить нам экономические отношения с Западом: торговать ли «из остатка», то есть тем, что «недосдан», что перестало быть дефицитом на внутреннем рынке, или по каким-то другим соображениям? Не определившись в этом, читатель не сможет выработать правильный взгляд на две упомянутые «авантюры».

Торговать можно, как известно, по-разному. Примитивные цивилизации, как нас учил Маркс, меняли скотину на баранов. Этот порядок мы целиком воспроизвели в своей практике, развивая внешнюю торговлю по клирингу, на бартерной основе, то есть меняя скотину на баранов, нефть на трубы. А люди уже давно торгуют, а не меняют товары. Это во сто крат эффективнее. Согласны ли на это мы? Судя по всему, нет.

В ходе перестройки надо бы сменить критерий развития производства, принятый общечеловеческие ориентиры поведения в этой области. Но нам по-прежнему предлагают думать не о добыче валюты, а о натуре, о том, чтобы иметь какой-нибудь «простой продукт». Поэтому и операция ГАБТа по «Соглашению о конкурсуме» оценивается тем же Гриневичем, конечно, отрицательно. По поводу его подписания автор сетует: «дело сделано, и мышеловка, в которой вместо сыра (выделено мной.— Г. Л.) лежала валюта (выделено мной.— Г. Л.), захлопнулась». Следовательно, второй вопрос, над которым следует задуматься, сводится к тому, ради чего в принципе форсировать экономические отношения с Западом; ради разовых, единовременных закупок того, чего сейчас нам не хватает (грубы, мыло, лекарства), или ради добывания валюты на базе долгосрочной политики производственной международной специализации.

Критики двух упомянутых хозяйственных операций горячо ратуют за расширение международных экономических связей, за увеличение торгового оборота с зарубежными странами. В этом отношении в нашей стране наблюдается исключительное единодушие.

А чем торговать-то?

Всем, что нам не нужно, дружно отвечают те, кто по-злому умыслу, кто по недоумыслию толкает нас в пропасть. Не продать то, что нам не нужно, еще труднее, чем даже то, что нам самим очень нужно. Это понимают все, кто не лишен элементарного разума. Пора бы понять, что крестьянин торгует на базаре молоком и мясом не потому, что объелся этими продуктами, а потому, что хочет на вырученные деньги купить сыну велосипед. Да и Япония торгует автомобилями не потому, что их девать у себя некуда. Любой японский велосипедист, а их там много, с удовольствием сменил бы на транспорта на какую-либо «тойоту». Но для того, чтобы пересесть с велосипеда на «тойоту» или даже наш «Запорожец», надо не только иметь волчий аппетит, но и работать на таком-то уровне производительности. В Японии это понимают. Надо помнить и нам, что смотреть «Лебединое озеро» там и тем, кто достиг, скажем, урожайности зерна ниже 10 центнеров с гектара или сшил обувь советского качества, так же невозможно, как и иметь современную видеосистему. Право иметь «дефицит» надо заработать. Но заработать не только на то, что ты живешь в стране, где умеют поставить «Лебединое озеро», а предъявив вещественное доказательство, что в своей области ты работаешь не хуже Г. Улановой, Н. Фадеечевой.

Как осуществить такую селекцию в данный момент, когда все перестроечные силы, столкнувшись с дефицитом? Мировая практика, практика нашей страны годы нэпа дает четкий ответ на этот вопрос: надо деньги сделать подлинными деньгами с которыми и на мировом рынке доллара и платить за высококвалифицированный труд таких, как Г. Уланова и Н. Фадеечева, в какой бы области искусства или народного хозяйства они ни работали: ведь много раз больше, чем браконьеру или крестьянину, собирающему ровно столько, сколько посеяли. Но это разговор длинный, острый и не для этого раза.

Все эти банальности приходится здесь повторять. Но на говорить об этих истинах нельзя, ибо без признания правильности таблицы умножения двигаться вперед невозможно. А конфликт вокруг АНТ и ГАБТа фактически и есть поставить в лоб вопрос: признаем ли мы таблицу умножения во внешнеэкономических связях или отвергаем, собираемся ли по-прежнему торговать «из остатка», ссылаясь на дефицит, или начнем дефицит уничтожать тем, что будем с умом торговать им на внешних рынках.

Вразумительного ответа на этот вопрос общественность пока не получила, поскольку КПК, как видим, осуждает людей за торговлю дефицитом, хотя прямо Н. И. Рыжков на Съезде народных депутатов твердо заявил, что решения о бартерных сделках АНТ являются правильными. Кого же слушать обычным гражданам, рулевым водителям, с опасной и сочувствием поглядывающим на тех, кого подвергают сейчас грубым наказаниям за то, что, по мнению одних, — грех, а других — заслуга?

Есть отчего заигрываться. Есть над чем задуматься и председателю какого-либо крепкого кубанского колхоза, подготовившего долларовую сделку, и генеральному директору ГАБТа Я. М. Кокошину, рассматривающему план поездок труппы по СССР и зарубежным странам с прицелом получить доллары или для страны заработать, чтобы она, страна, хлеб для народа купила, или этот народ повеселить балетом, чтобы отвлечь его от невеселых дум об этом самом хлебе, который там плохо стал расти на Руси.

Третья тема для размышлений — реализация военной техники. Массовое сознание легче возбудить, потрясти двусмысленной информацией на эту тему или на тему сбыта произведений искусства на Запад, связанную с утратой духовных ценностей страны. Случай с АНТ и ГАБТом дает хороший материал для спекуляций вокруг этого. Я сказал «спекуляции» вот почему. Продажа техники — операция только для человека, далекого от мировой политики, то есть для абсолютного большинства населения нашей страны. А для специалистов своего дела это такая же обычная операция, как торговля луком на колхозном рынке. А может, и того проще. Потому что луком надо сначала вырастить, чтобы за продажу получать деньги. Те же, кто торгует оружием, от технических вопросов, неизменно, занят в значительной степени освобожден. Недавно опубликованные данные «Известия», 1.III.90) показывают, что оружием наша страна торгует. И торгует в шиндоме настоящем. Правда, весьма бескорыстно — в долг, без особого расчета на его выплату. Например, в долги Сирии, Кубы, Анголы, Никарагуа, Мозамбика «сидят» неоплаченные военные поставки. А они составляют ответственно в миллиардах рублях: 13,5; 2,0; 0,9; 0,3, то есть не менее 26 миллиардов рублей. Так стоит ли нам, обманутым, вникать по-новому не состоявшейся по линии АНТ продажи всего лишь нескольких танков? Может, наоборот, надо печалиться, что не набавились эти вещи. Смотришь, какие-нибудь деньги в порядке исключения получили бы на этот раз. Но, конечно, не нашего обывательского ума дело рассуждать об этом. Однако из имеющейся информации мы все-таки можем для себя сделать вывод о том, что торговля есть торговля и военные материалы могут быть таким же товаром, как хлопок, нефть, золото... Зачем же вдруг потребовалась тогда драматизация операции с еще непонятно как и кем отгруженными в Новороссийский порт несколькими тысячами? Чтобы возбудить общественность? Но она и так возбуждена до предела. Кому-то этого кажется мало? Кому, почему?**

Ясно одно, что случай с АНТ и ГАБТом требует определиться в такой важной вопросе, как ассортимент торговли. Будем ли мы традиционно торговать «из остатка», только сырьем, чтобы купить на мировом рынке соль и спички, как патриархальный крестьянин, или в оборот, как у людей, будет пущено все, в чем заинтересовано человечество: балет, живопись, музыка, танки, хоккеисты, футболисты, клюшка, металлолом...

Конечно, торговать надо научиться не с убытком, а с прибылью. Это первое условие, о котором вроде бы и упоминать неприлично. Но в нашем случае это, видимо, необходимо. Не исключено, что иногда наша погоня за валютой может быть административно ограничена стратегическими или какими-то иными соображениями. Мировая торговая практика знает такие случаи, когда составляются особые списки товаров, изымаемые из торговли в целом или из оборота с группой стран. (КОКОМ — международная организация, занимающаяся этим неблагодарным делом). Хотелось бы в этой связи знать, есть ли такие ограничения в нашей стране, насколько широко информированы о них те, кому нужно. Ведь если все запреты в этой области держатся на предрассудках, то судить тогда надо не руководителей АНТ и ГАБТа, а носителей этих предрассудков.

«Распродажа» Родины, внушают нам далее, проявилась (в четвертых) и в том, что, например, в случае с Большим театром вместо 5—10 процентов комиссионных, уплачиваемых обычно в таких случаях, было отдано за уступленный Западу товар 40 процентов. Что касается АНТ, то экономическая неэффективность проделанной операции даже не обсуждается, поскольку, видимо, мы настолько привыкли сбывать товары того рода, что были там задействованы, в порядке подарка, в качестве бескорыстной помощи по долгу интернационалистов, что сама мысль получить за них какую-то валюту кажется дикой тем, кто бдительно следит за тем, чтобы наша страна не вылезала из нищеты.

Короче, обе «авантюры» обещали нашей стране ту валюту, которую раньше на нем же самом месте никто не собирал, которая раньше просто пропадала. Причем поступления ожидались весьма солидные. От деятельности консорциума с участием Большого театра за период действия соглашения (шесть лет) можно было получить 30—35 миллионов долларов. И это не от продажи невосполнимых ресурсов, а всего лишь за предоставление права на флакон духов или на раскраску. Не принадлежать этикетку «Большой театр». Как тут не заподозрить в злом умысле тех, кто в такой операции видит распродажу Родины? Операция АНТ была рассчитана так, что за полгода на нашем рынке должно было появиться импортных товаров на 30 миллиардов долларов. Прямо скажем, совсем не лишнее дело в нашей критически напряженной ситуации. Следовательно, речь может идти только о том, что слишком низкий «урожай» собирались снять с тех «площадей», которые раньше вообще были вне экономического оборота.

Думаю, что вот это обвинение имеет свои основания. Однако отчего это могло произойти? Недавно опубликовали мою статью в Болгарии. Через ВААП переписчики гонорар. За непонятную в связи с этим услугу ВААП удержала в свою пользу, в пользу государства 30 процентов от начисленной суммы. Своеобразный налог, сверх того налога, который платит каждый Автор из своего дохода. Так же обирает своих авторов и фирма «Молодина», когда тиражирует пластинки. И многие другие организации такого же свойства поступают с нами так же. Естественно, что любой нормальный человек готов идти в более терпимую наблюдку, чем та, которая навязывается паразитическо-посреднической государственной организацией, чтобы избежать ее обратной стороны. Эта же логика толкает и коллектив ГАБТа на такое поведение, которое нажется людям лишь тем, кто не знает нашей фискальной системы или считает, что альтруизм будто самая лучшая форма экономического поведения. А с иных позиций оказывается, что в данном случае выгодно отдавать иностранному посреднику 40, чем своей 5—10 процентов комиссионных. Это не единственный случай, когда мы толкаем своих граждан на то, чтобы обогащать не свою страну, а чужую. Вспомним только закрытие «Березки». Но в раздумьях Родины было бы в этом случае правильнее вникнуть не так, кто ведет себя «антипатриотично», а наши правительство, принимающее такие законы, которые обусловливают ненормальное поведение людей.

Однако в нашем случае с комиссионными вникна не только сама сумма прибыли, распределяемая между участниками ее создания. Во всем мире все времена существует дедовская мораль, которая обязательна для всех серьезных партнеров, ведущих хозяйственные дела. Она предполагает, в частности, право на коммерческую тайну и риск. Причем степень риска всегда выше у тех, кто только учится плавать в прямой стихии, чем у тех, кто чувствует себя в ней как рыба в воде. Наши хозяйственники делают первые робкие шаги, подчас неслыханные, вступая в дискуссии мирового бизнеса.

Как стоит ли паниковать по поводу отдельных неудач, которые неизбежны во время учебы, поиску ли? Можно ли запугивать первопроходцев, решившихся заняться коммерцией на мировом рынке, призывая их трусливо отсиживаться в родной берлоге? Во всяком случае другая подобная забота об интересах Родины, такие попытки уберечь ее от «распродажи» обгоняющего своей противоположной стороной.

От людей, не умеющих себя вести в данном мире, будут все отворачиваться, чтобы не дискредитировать себя в глазах других партнеров. Такова, естественно, реакция и фирмы «Энтертейнмент корпорейшн», заявившей свой протест министру культуры СССР Н. Губенко по поводу «непрофессионального и аэотического подхода, в результате которого в «ЛГ» «появилась статья, вводящая читателей в заблуждение» по поводу коммерческих дел Большого театра.

Поубавился энтузиазм к развитию бизнеса и у руководителей ГАБТа. Вместо форсирования своего наступления на мировом рынке, вместо расширения ассортимента предлагаемой продукции генеральный директор театра, уйдя в глухую, глубокую оборону, объясняет общественности, что он торгует всего лишь третьестепенной важности мелочевкой, а не тем, что могло бы принести стране гораздо большую массу валюты. Приходится оправдываться за то, что нуждается не в оправдании, а во всеобщем признании. Стимулирует ли это коммерциализацию нашей практики, от недостатка которой мы сейчас так страдаем? Конечно, нет.

В связи с АНТ и «Соглашением о консорциуме» с участием Большого театра предпринята эффектная акция по дискредитации идеи кооперативного движения и любых других новых форм хозяйствования, хоть чуть-чуть отклоняющихся от привычных — государственных. Ал. Гриневич в «Советской культуре» по этому поводу пишет: «Ведь ГАБТ не частная лавочка, не товарищество, не акционерное общество какой-нибудь далекой страны. **Обычная советская государственная организация** (выделено мной.— Г. Л.), обязанная в своей внешнеэкономической деятельности проверяться Министерством внешних экономических связей». Как видим, министерская структура с всевластием министерства и бесправием тех, кто ему подчинен, остается незыблемым идеалом.

И. Полозков АНТ называет в ряду «других торгово-закупочных кооперативов». «АНТ и ему подобные», говорит он, сотнями появляются сегодня «в каждой области и республике». Перед их «грабительскими действиями... блекнут даже самые громкие дела бывших взяточников «и казнокрадов Краснодара, Ростова, Москвы». Короче, сами новые формы хозяйствования, даже безотносительно к тому, кто в них работает, оказываются синонимами взяточничества и казнокрадства, а привычные формы государственной собственности объявляются символами высокой эффективности и моральной чистоты. Если бы это было так, то не было бы нужды браться за перестройку. Но именно эту мысль нам как раз и хотят внушить те, кто ополчился против АНТ и ГАБТа.

Вот почему в самом начале нашего разговора я напомнил о Худенко и Снимщикове. Тогда, как и сейчас, на скамью подсудимых, в тюрьму тащили не конкретных людей, а саму идею перестройки, идею глубокой хозяйственной реформы. То же самое, на мой взгляд, делается и теперь. В тот раз консерваторам удалось сорвать процесс оздоровления экономики, общества. Чем теперь «Это» кончится — надо еще посмотреть. Откуда такая сдержанная оценка? Почему нет так нужного сейчас оптимизма в оценке перспектив перестройки? Да прежде всего потому, что в случае с АНТ и Большим театром правительство уже почти капитулировало, не объяснив вразумительно общественности, в чем конкретная вина людей, участвовавших в этих двух операциях, насколько оправдали себя новые перестроечные идеи, заложенные в саму их сущность. Без ответа на эти вопросы перестройка рискует себя дискредитировать в очередной раз.

Геннадий ЛИСИЧКИН,
доктор экономических наук, народный депутат СССР.